
ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНАЛОГІЯ

ETHNOLOGY

УДК 93/94(397.4)

ЦЫГАНЕ В СИБИРИ (КОНЕЦ XVIII в. – XX в.)

В. Н. ШАЙДУРОВ¹⁾, Н. А. САПРОНОВА²⁾, Ю. М. ГОНЧАРОВ³⁾, Т. А. НОВОГРОДСКИЙ⁴⁾

¹⁾Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Петербургское шоссе, 10, 196605, г. Санкт-Петербург, Россия

²⁾Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, 55, 656031, г. Барнаул, Россия

³⁾Алтайский государственный университет, пр. Ленина, 61, 656049, г. Барнаул, Россия

⁴⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные этапы формирования и развития цыганского сообщества в Сибири в конце XVIII в. – XX в. Сделан вывод о том, что основным фактором возникновения цыган и роста их численности в регионе стали миграции, важную роль в которых сыграли белорусские цыгане. На основе различных источников характеризуются мероприятия органов власти в отношении цыганского населения, направленные на его гомогенизацию и интегра-

Образец цитирования:

Шайдуров ВН, Сапронова НА, Гончаров ЮМ, Новогродский ТА. Цыгане в Сибири (конец XVIII в. – XX в.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;2:60–72.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-60-72>

For citation:

Shaidurov VN, Saprionova NA, Goncharov YuM, Novogrodski TA. Gypsies in Siberia (end of the 18th – 20th century). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022; 2:60–72. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-2-60-72>

Авторы:

Владимир Николаевич Шайдулов – доктор исторических наук, доцент; заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа.

Наталья Алексеевна Сапронова – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Института истории, социальных коммуникаций и права.

Юрий Михайлович Гончаров – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры отечественной истории Института истории международных отношений.

Тадеуш Антонович Новогродский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Authors:

Vladimir N. Shaidurov, doctor of science (history), docent; head of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis.

s-w-n@mail.ru

Natalia A. Saprionova, PhD (law), docent; head of the department of jurisprudence and methods of teaching socio-economic disciplines, Institute of History, Social Communications and Law.

sna-27@yandex.ru

Yurii M. Goncharov, doctor of science (history), full professor; professor of the department of Russian history, Institute of the History and International Relations.

yuriig@yandex.ru

Tadeush A. Novogrodski, doctor of science (history), full professor; head of the department of ethnology, museology and history of arts, faculty of history.

novogr@bsu.by

цию в экономические и социокультурные процессы Сибири. Отмечается, что кампании по борьбе с цыганским бродяжничеством в XIX–XX вв. не привели к его полному искоренению. Решению проблемы не помогли и репрессивные шаги, предпринятые во второй четверти XIX в., а также в 1930-х гг. Лишь часть цыган перешли от традиционного образа жизни к полуседлому. В качестве основных источников использованы материалы центральных и региональных архивов. Данные большинства документов впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: цыгане; Сибирь; государственная политика; бродяжничество.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX–XX вв.»).

ЦЫГАНЫ Ў СІБІРЫ (КАНЕЦ ХVІІІ ст. – ХХ ст.)

У. М. ШАЙДУРАЎ^{1*}, Н. А. САПРОНАВА^{2*}, Ю. М. ГАНЧАРОЎ^{3*}, Т. А. НАВАГРОДСКІ^{4*}

^{1*} Ленінградскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна,
Пецяярбургскае шасэ, 10, 196605, г. Санкт-Пецяярбург, Расія

^{2*} Алтайскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт, вул. Маладзёжная, 55, 656031, г. Барнаул, Расія

^{3*} Алтайскі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Леніна, 61, 656049, г. Барнаул, Расія

^{4*} Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца асноўныя этапы фарміравання і развіцця цыганскай супольнасці ў Сібіры ў канцы ХVІІІ ст. – ХХ ст. Робіцца выснова аб тым, што асноўным фактарам узнікнення цыган і росту іх колькасці ў рэгіёне сталі міграцыі, важную ролю ў якіх адыгралі беларускія цыганы. На аснове розных крыніц характарызуецца мерапрыемствы органаў улады ў дачыненні да цыганскага насельніцтва, накіраваныя на яго гамагенізацыю і інтэграцыю ў эканамічныя і сацыякультурныя працэсы Сібіры. Адзначаецца, што ўсе кампаніі па барацьбе з цыганскім бадзяжніцтвам у XIX–XX стст. не прывялі да яго поўнай ліквідацыі. Вырашэнню праблемы не дапамаглі і рэпрэсіўныя крокі, зробленыя ў другой чвэрці XIX ст., а таксама ў 1930-я гг. Толькі частка цыган перайшлі ад традыцыйнага ладу жыцця да паўаселага. У якасці асноўных крыніц выкарыстаны матэрыялы цэнтральных і рэгіянальных архіваў. Даныя большасці дакументаў упершыню ўводзяцца ў навуковы зварот.

Ключавыя словы: цыганы; Сібір; дзяржаўная палітыка; бадзяжніцтва.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага фонду фундаментальных даследаванняў і Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў (праект № 20-59-00010 «Этнічныя меншасці ў Беларусі і Расіі ва ўмовах грамадскіх трансфармацый XIX–XX стст.»).

GYPSIES IN SIBERIA (END OF THE 18th – 20th CENTURY)

U. M. SHAIUROV^a, N. A. SAPRONOVA^b, Yu. M. GONCHAROV^c, T. A. NOVOGRODSKI^d

^aPushkin Leningrad State University,
10 Peterburgskoe Highway, Saint Petersburg 196605, Russia

^bAltai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya Street, Barnaul 656031, Russia

^cAltai State University, 61 Lenina Avenue, Barnaul 656049, Russia

^dBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: T. A. Novogrodski (novogr@bsu.by)

The history of the Roma in Russia is a poorly studied topic. The article discusses the main stages in the formation and development of the Gypsy community in Siberia during the late 18th – 20th century. The authors came to the conclusion that the main source for the emergence and growth of the number of Roma in the region was migration, in which Belarusian Roma played an important role. On the basis of various sources, a description is given of the measures taken by the authorities in relation to the Roma population, aimed at its homogenisation and integration into the economic and socio-cultural processes in Siberia. However, all campaigns to combat Gypsy vagrancy in the 19th and 20th centuries did not lead to its complete eradication. The repressive steps both in the second quarter of the 19th century and in the 1930s did not help to solve the problem either. Only a part of the Gypsies switched from a traditional to a semi-sedentary way of life. Archival materials from central and regional archives. Most of the documents are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Gypsies; Siberia; state policy; vagrancy.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (project No. 20-59-00010 «Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the 19th and 20th centuries»).

Переселенческие процессы XVII–XX вв. превратили Сибирь в своеобразный плавильный котел, в котором образовалась особая общность – сибиряки. Одними из ее представителей являлись цыгане.

В современной цыганологии все больший интерес к цыганам проявляется не только с позиций этнологии или лингвистики, но и с позиций истории. Но следует признать, что степень изученности истории цыган в России значительно уступает степени исследованности цыган в других странах (Швеции, Финляндии, Великобритании, США, Франции) [1; 2]. Этот пробел, казалось бы, закрывает коллективная монография «История цыган. Новый взгляд» [3]. Но основное внимание авторы сконцентрировали на проблемах истории цыганской культуры. Тем не менее в течение последних 10 лет как в отечественных, так и в зарубежных журналах появились научные статьи, посвященные как истории цыган России в целом, так и истории их отдельных групп [4–10]. Как свидетельствует анализ публикаций, российские историки обращаются к определенным сюжетам цыганско-российской истории (формирование этнодисперсных групп, взаимоотношения с властями и населением, вовлеченность в экономические процессы и др.). Можно сказать, что идет процесс первоначального накопления эмпирических знаний о данном явлении. Сказанное в полной мере можно отнести к истории цыган Сибири.

Вопрос о времени появления цыган в Сибири впервые в научной плоскости был поставлен лишь в конце 1960-х гг. В. И. Санаровым [11]. На основе архивных документов ученый пришел к выводу о том, что первые цыганские таборы зафиксированы в регионе в 1720-х гг. Этот факт подтверждается и единичными упоминаниями о цыганах в записках иностранцев, которые в то время посещали Сибирь¹. Но в документах 1730–80-х гг. какие-либо упоминания о цыганах в Сибири отсутствуют. Вероятно, в этих источниках речь идет о единичных случаях.

Одна из проблем, с которой сталкиваются исследователи цыган, – скудная источниковая база. Вследствие отсутствия письменности у различных групп цыган мы можем оперировать лишь теми документами, которые стали порождением окружающего их мира. В российских архивах сохранился большой массив документов делопроизводственного, статистического содержания, а также личного происхождения. Выявленные в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском

государственном историческом архиве (РГИА), региональных архивах Барнаула, Красноярска, Томска, Омска, Тобольска документы позволяют восстановить и связать отдельные сюжеты из истории цыган в России. Так, делопроизводственная документация губернского уровня дает возможность определить время появления отдельных групп цыган в Сибири. Статистические сведения из делопроизводственной документации Министерства государственных имуществ Российской империи и Министерства внутренних дел Российской империи позволяют представить географию расселения цыган по сибирским губерниям к середине XIX в. Ведомственная делопроизводственная документация советского периода позволяет рассмотреть теорию и практику перевода цыган на оседлый образ жизни. Наиболее ценные документы собраны в фонде Совета Министров РСФСР².

Крайне слабая степень изученности цыган в Сибири обуславливает необходимость выяснения множества вопросов: даты появления цыган в регионе, взаимодействия цыган и местных властей на разных уровнях (губернском, окружном, волостном), отношения местного населения к цыганам, вовлеченности цыган в различные экономические и социокультурные процессы на протяжении XIX–XX вв.

В основе нашего исследования лежит теория модернизации, объясняющая стремление властей превратить кочевое цыганское население России в оседлое, тем самым заставив его отказаться от традиционного образа жизни. Заявленные исследовательские задачи и привлеченные исторические источники предопределили набор специальных методов, которые были использованы в работе. Среди них хотим выделить историко-описательный, историко-сравнительный, проблемно-хронологический методы и др.

Одно из первых упоминаний о цыганах в Сибири относится к 1721 г. и принадлежит шотландцу Дж. Беллу, состоявшему на русской службе в 1715–1746 гг. В качестве врача он совершил поездку из Петербурга в Пекин и описал ее в двухтомном сочинении, изданном в Глазго в 1763 г. Во втором томе Дж. Белл упомянул рассказ сибирского вице-губернатора Петрова-Соловова о группе бродяг численностью около 60 человек (мужчины, женщины, дети), которые шли в Китай. Вслед за Петровым-Солововым Дж. Белл называет их цыганами (*tziggany*) [12, с. 157].

¹ГАРФ. Ф. 259. Оп. 106. Д. 4178. Л. 24.

²Там же.

Ссылаясь на Петрова-Соловова, Дж. Белл указал, что цыгане, вероятно, пришли из Польши. Их маршрут можно представить по картам первой четверти XVIII в.: он пролегал через Центральную Россию до Нижнего Новгорода или Казани, далее на Соликамск, который на рубеже XVII–XVIII вв. стал центром транзитной русско-китайской торговли (можно предположить, что именно под впечатлением от увиденных китайских торговых караванов цыгане и захотели переселиться в Китай). Далее Московско-Сибирский тракт шел к воротам Сибири – Верхотурью, а затем в Тобольск. На пути были устроены постоянные дворы (ямы) и заставы, которые выполняли как таможенные, так и полицейские функции, препятствуя проникновению беглых в Сибирь. Путь на восток проходил через сибирскую столицу Тобольск, где и оказались цыгане. Дальнейшее путешествие было невозможно без паспортов, введенных Петром I, поэтому по приказу вице-губернатора Петрова-Соловова цыгане были задержаны [12, р. 158].

Однако, как отмечает сибирский историк О. Н. Катионов, уже в 1654 г. верхотурский воевода установил наличие иной дороги, которая шла мимо Верхотурья на сибирские слободы [13, с. 87]. В середине XVIII в. власти были вынуждены узаконить более короткий путь в Сибирь (Москва – Кунгур – Екатеринбург – Тюмень – Тобольск) [13, с. 87]. Вероятно, по одной из таких дорог цыгане добрались до Сибири.

Передвижение на огромные расстояния в малонаселенной России начала XVIII в. было сопряжено со многими сложностями. Одной из них была продовольственная проблема. Как и Дж. Белл, мы можем предположить, что цыгане, кочуя на Восток, обменивали продукты питания у крестьян, предлагая им собственную ремесленную продукцию. О гадании и ворожбе вряд ли могла идти речь по причине языкового барьера. Не исключается банальное воровство. Если принять во внимание тот факт, что цыгане шли в Сибирь по одной из незаконных дорог, минуя населенные пункты, то понятно, что основными источниками пищи были охота, рыбная ловля и собирательство.

На протяжении последующих 1730–80-х гг. упоминания о цыганах не встречаются в нарративных источниках. Можно предположить, что на протяжении XVIII в. Сибирь в силу удаленности от основных районов проживания цыган не представляла для них интерес.

Присоединение к Российской империи новых территорий на западе во второй половине XVIII в. сопровождалось включением многочисленного населения, в том числе цыганского. Стирание старых

границ открыло широкие возможности для их миграций. Как следствие, уже с начала 1790-х гг. в разных материалах (архивные делопроизводственные документы, свидетельства современников³) встречаются регулярные упоминания о цыганах в Сибири [14].

В первой половине XIX в. основным источником формирования цыганского населения в Сибири были представители русских цыган («русска рома»), которые оказывались здесь в результате миграций таборов и в качестве ссыльных поселенцев, отбывавших наказание за правонарушения в губерниях Европейской России.

В этот период неоднократно предпринимались попытки модернизировать полукочевой образ жизни цыган и превратить их в оседлых подданных. Но ни либеральные мероприятия Александра I, ни репрессивная политика его отца Павла I и брата Николая I не принесли должного результата. В то же время следует признать, что русские цыгане в Сибири начали переходить к полуседлому образу жизни.

В Западной Сибири получила распространение практика посемейной приписки цыган к сельским и городским обществам. Это было обусловлено политической борьбой с цыганским бродяжничеством на рубеже XVIII–XIX вв., а также действием законодательства. Его отдельные акты устанавливали необходимость приписывать цыган к разным селениям, избегая их скопления в одном месте.

Наиболее зажиточные цыганские семьи приписывались к обществам городов Тобольской губернии. Они числились купцами третьей гильдии в Тюмени и Ялуторовске. Это давало им возможность перемещаться в пределах губернии на легальных основаниях с паспортом. Менее состоятельные цыгане записывались в мещанские общества в Кургане и Ялуторовске. Но большинство из них были приписаны к обществам государственных крестьян⁴.

В Енисейской губернии с середины 1810-х гг. были приняты меры по приписке цыган к мещанскому обществу Красноярска⁵. В конце 1830-х гг. последовало распоряжение Красноярской городской думы о выдаче паспортов местным цыганам лишь по предоставлению удостоверений от обществ, к которым они причислены⁶. Большая часть ссыльных цыган к 1840-м гг. оказались в Иркутской губернии. В пользу этого говорят списки проживавших в сибирских губерниях цыган. Они были составлены по распоряжению министра внутренних дел графа Д. Н. Блудова. Значительная часть приписанных к обществам цыган являлись одиночками. В это же время в Тобольской губернии таких случаев не было⁷.

³Гос. арх. в г. Тобольске. Ф. 341. Оп. 1. Д. 145.

⁴РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413. Ч. 26. Л. 4–21.

⁵Гос. арх. Краснояр. края (ГАКК). Ф. 809. Оп. 1. Д. 296.

⁶Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 914. Л. 2–2 об.

⁷РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413. Ч. 4. Л. 7–14 об.

Веда полукочевой образ жизни в Сибири, цыгане должны были адаптироваться к местным условиям. В первую очередь им следовало найти экономическую нишу, которая позволила бы им получать средства к существованию. В Тобольской губернии, как мы уже отмечали, цыгане были причислены к купечеству и преимущественно торговали скотом. Нередко среди них встречались ремесленники, занимавшиеся отхожим промыслом. Об этом свидетельствует, например, факт причисления к Балаганскому участку Иркутского округа семи кузнецов, которые обслуживали крестьянские хозяйства не только своих, но и соседних поселений⁸. Среди них были и сапожники, и коновалы. Незначительное количество цыганских семей занимались хлебопашеством.

С конца 1820-х гг. в Сибири началась золотая лихорадка. Это явление было связано с либерализацией российского законодательства о золотодобыче и серебродобыче частными лицами (указ Сената от 28 мая 1812 г.) и открытием месторождений у сибирских рек. В 1830-х гг. основным районом развития частной золотопромышленности была маринская тайга Томской губернии, а в 1840–50-х гг. – енисейская тайга [15].

Владельцами приисков были дворяне и купцы. Золотодобыча в этот период носила примитивный характер и опиралась на мускульную силу рабочих и животных. В связи с этим спрос на рабочие руки многократно возрос. Многие золотопромышленники стремились получить максимальную прибыль при минимальных затратах. С этой целью они нанимали сибиряков, не имевших стабильного источника заработка. К этой категории относились и цыгане.

О распространении практики привлечения цыган к наемной работе на приисках свидетельствует факт обсуждения этого вопроса на губернском и министерском уровнях. В 1852 г. последовало распоряжение западносибирского генерал-губернатора Г. Х. Гасфорда о трехлетнем запрете нанимать цыган на частные прииски⁹. Поводом к принятию ограничительного акта стало задержание земской полицией 40 цыган, которые были наняты для золотодобычи, но при этом занимались кражами¹⁰.

Однако, как свидетельствуют документы, в последующие годы такая практика найма сохранилась. Так, в Енисейской губернии горным исправником Сорокиным были обнаружены более 30 «цыган, поступивших из Томской губернии»¹¹. Выяснилось, что

все они являются ссыльнопоселенцами и государственными крестьянами и имеют билеты на отлучку, выданные разными волостными правлениями в течение 1854–1855 гг. Вероятно, члены последних пользовались небескорыстно возникшим противоречием: в условиях трехлетнего моратория продолжали действовать ст. 149 и 150 Устава о паспортах Российской империи.

Вопрос о найме цыган из ссыльнопоселенцев на сибирские золотые прииски был окончательно урегулирован решением Сибирского комитета, которое 9 июня 1857 г. было утверждено Александром II. С этого времени ограничения были сняты, но выдавать билеты для найма на золотые прииски волостные правления должны были в строгом соответствии со ст. 149 Устава о паспортах Российской империи лишь тем из цыган-поселенцев, за кем не числились недоимки по повинностям¹².

За цыганским населением в Сибири контроль осуществляли не только гражданские, но и церковные власти. Подтверждением тому являются материалы, направленные Енисейским губернским правлением в Иркутскую духовную консисторию (датированы началом 1830-х гг.)¹³. В них встречается упоминание о предании ссыльного цыгана Алексея Львова церковному покаянию за небывание у исповеди и причастия.

К середине XIX в. на территории Западной и Восточной Сибири проживало около 1,5 тыс. цыган. Преимущественно это были русские цыгане из числа лично свободных либо ссыльнопоселенцев. Миграционная мобильность искусственно сдерживалась внесенными в законодательство ограничениями. Так, в течение длительного времени продолжала действовать ст. 175 Устава о паспортах Российской империи, согласно которой запрещалось отпускать цыган целыми семействами по паспортам. Либерализация паспортного режима в отношении цыган в конце 1850-х – начале 1860-х гг. позволила им активнее перемещаться по стране. С 1860-х гг. в Сибирь стали проникать новые цыганские группы, которые мигрировали преимущественно из южных губерний.

К концу XIX в. полицейскими властями в Сибири было учтено почти 2,3 тыс. цыган. Как свидетельствуют приведенные в табл. 1 данные, цыгане были почти во всех губерниях и областях.

Среди наиболее распространенных видов хозяйственной деятельности цыган следует отметить торговлю скотом, сельское хозяйство, поденщину (табл. 2).

⁸РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413. Ч. 4. Л. 6 об.

⁹Гос. арх. Алт. края (ГААК). Ф. 177. Оп. 1. Д. 430. Л. 34.

¹⁰РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. 1857. Д. 112. Л. 2 об.

¹¹ГААК. Ф. 177. Оп. 1. Д. 430. Л. 34.

¹²Устав о паспортах и беглых // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. Т. XIV. С. 30.

¹³ГААК. Ф. 813. Оп. 1. Д. 327.

Таблица 1

**Географическое распределение цыган в Сибири
(по данным переписи 1897 г.)**

Table 1

**Geographical distribution of the Roma in Siberia
(according to the census 1897)**

Административные единицы	Цыганское население		
	Мужчины	Женщины	Всего
Енисейская губерния	503	471	974
Забайкальская область	174	148	322
Иркутская губерния	567	527	1094
Остров Сахалин	33	25	58
Тобольская губерния	818	708	1526
Томская губерния	1128	1064	2192
В целом	3223	2943	6166

Примечание. Составлено по: Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/> (дата обращения: 02.03.2022).

Таблица 2

Деятельность цыган Сибири (по данным переписи 1897 г.)

Table 2

Activities of the Roma of Siberia (according to the census 1897)

Виды деятельности	Занятое население		
	Женщины	Мужчины	Всего
Врачебная и санитарная деятельность	81	4	85
Деятельность и частная служба (в качестве прислуги, поденщиков)	167	89	256
Сельское хозяйство (земледелие)	243	43	286
Обработка волокнистых веществ	2	63	65
Обработка металлов	75	0	75
Торговля	34	1	35
Торговля живым скотом	474	5	479
Неопределенная деятельность	148	385	533
<i>Лишенные свободы и отбывающие наказание</i>	85	13	98

Примечание. Составлено по: Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://stat1897.histcensus.asu.ru/data/> (дата обращения: 02.03.2022).

В начале XX в. цыгане Сибири вели либо оседлый, либо полукочевой образ жизни. Это стало результатом проведенных в первой половине XIX в. мероприятий по борьбе с бродяжничеством. Некоторые сибирские губернаторы уделяли внимание и национальному вопросу. Примером может служить енисейский губернатор М. А. Плец, занимавший свой пост в 1898–1902 гг. Будучи сторонником гомогенизации, он не только выступил в качестве

автора нового документа «Положение о сибирских инородцах» (1901), но и стремился пресечь периодическую бродяжническую жизнь местных цыган.

Сами цыгане в 1900-х гг. старались легитимировать факт сезонного кочевья. В 1901 г. представитель «от природы кочующего народа (цыган)» красноярский мещанин Константин Проданчуков обратился к енисейскому губернатору М. А. Плецу с прошением: «...много лет тому как продолжалось, что отцы

и предки наши ежегодно выезжали на все летнее время в поле с палатками, имея при себе жен и малолетних детей, переезжали из одного района волости в другие, не было никаких препятствий как от сельских властей, также от городских полицейских»¹⁴. При новом же губернаторе такая практика встречала противодействие со стороны низового управленческого звена, явно выполнявшего волю вышестоящего начальства. Цыганам запретили переезжать из селения в селение, кроме того, крестьянские и сельские власти изымали у них палатки с последующим сожжением. В борьбе с цыганским кочевьем были задействованы становые приставы и сельские полицейские власти. Упомянутый Константин Проданчуков говорил в своем прошении, что они «без всяких... проступков отбирают от нас законные документы и арестовывают нас с женами и детьми при своих полициях»¹⁵.

Однако губернатор-цивилист М. А. Плец (выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета) никакого послабления енисейским цыганам не предоставил.

Первая мировая война, Гражданская война и последовавшая за ними экономическая разруха имели важные последствия для цыганского мира. На территории бывшей Российской империи, помимо своих цыган, оказались и цыгане-беженцы (преимущественно с Балкан). Возвращение на родину без паспортов для них было крайне затруднительным. Война и социальные потрясения привели к тотальному обнищанию, в том числе цыган. Некоторые из них говорили: «...хотя революция принесла цыганам большое улучшение их правового положения, но она больно ударила по источникам средств существования, торговле, нищенству»¹⁶. Ситуация способствовала резкому росту преступности. Цыгане оказались вовлеченными в противоправную деятельность по всей стране.

В начале 1920-х гг. партийные и советские органы лояльно относились к цыганскому населению. В официальных документах неоднократно отмечалось, что в царской России оно всячески притеснялось. В одном из документов, подготовленном в СНК РСФСР, можно встретить такую трактовку жизни цыган при старом режиме: «До Октябрьской революции полукочевое племя цыган подвергалось различного рода притеснениям со стороны

правительства, причем переход цыган к оседлым занятиям сельскохозяйственным промыслом был крайне затруднен, так как право на бесплатное наделение цыган землей отсутствовало, а приобретение земли покупкой либо арендой оказывалось недоступным для последних вследствие их бедности»¹⁷. Решение цыганского вопроса виделось в реализации экономических мероприятий – наделении цыган землей посредством землеустроительной кампании и открытии ремесленных артелей.

Осенью 1926 г. ЦИК и СНК СССР приняли совместное постановление «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни». В Сибири, как и в других регионах, посредством газет пропагандировался переход цыган к оседлости и декларировались формы их поддержки со стороны государства. Так, в одном из номеров газеты «Забайкальская правда» за 1928 г. была напечатана заметка «Содействовать землеустройству цыган». Местные органы, как извещает читателя редакция, получили от Наркомзема СССР инструкцию, согласно которой «земельным органам вменяется в обязанность направлять особые заботы о землеустройстве цыган и оказывать им в этом всевозможное содействие»¹⁸. Кроме того, предполагалось выделять «ссуду и иные виды помощи от государства за счет сметы на землеустройство»¹⁹. Однако, как показала практика, достичь своей цели власть так и не смогла: цыгане не стали активными участниками колхозного строительства, ибо упомянутое постановление имело рекомендательный характер. Но цыгане приняли участие в промышленной кооперации как в центре, так и на периферии [16, с. 290; 17].

В 1920-х гг. цыгане нередко фигурировали в судебных хрониках сибирских газет. Показателен репортаж «Цыганский табор» из зала Томского окружного суда, опубликованный в газете «Рабочий путь». На скамье подсудимых оказались члены цыганского табора, «который существовал за счет краденых лошадей»²⁰. Корреспондент дал краткую, но очень емкую характеристику осужденным: «Все они молоды, но, несмотря на это, все не раз бывали в исправительном доме и даже в Александровском центральном»²¹.

«Послужной список» предводителя Л. впечатляет: «В 1923 г. за конокрадство был осужден на 8 лет

¹⁴ТАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 4528. Л. 1.

¹⁵Там же. Л. 1 об.

¹⁶Цыгане в прошлом и настоящем // Крестьян. правда. 1928. № 128.

¹⁷ТАРФ. Ф. 259. Оп. 106. Д. 4178. Л. 24.

¹⁸Содействовать землеустройству цыган // Забайкал. правда. 1928. № 45.

¹⁹Там же.

²⁰Цыганский табор // Рабочий путь. 1927. № 262.

²¹Александровский централ – одна из известных каторжных тюрем, созданная в 1873 г. После Гражданской войны в ее стенах обосновалась исправительно-трудовая колония, контингент которой был представлен как уголовниками, так и врагами советской власти. В свое время через Александровский централ прошли Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе.

и посажен в новосибирский изолятор и, просидев два года, сбежал. За побег получил два года и отправлен в иркутский изолятор [Александровский централ], но и оттуда он через 4 г. сбежал. Сразу же приступил «к исполнению своих обязанностей». В 1926 г. – опять на скамье подсудимых в 3-м участке Барабинского округа и осужден на 4 года. Последний «рейс» он совершает в Омск и заканчивает во 2-м участке народного суда»²². Вместе с ним на скамье подсудимых оказались не только поделники (всего по делу проходило 9 цыган и цыганок), но и жена Мария, «верная супруга его конокрадских дел»²³. Учитывая всю совокупность фактов, суд вынес достаточно суровый по тем временам приговор: Л. был осужден на 10 лет с ограничением прав на 5 лет (максимальный срок), его поделники приговаривались к разным срокам заключения (от 5 до 6 лет) и поражению в правах на 3 года.

Введение паспортного учета в 1932 г. стало серьезным препятствием для сохранения цыганами традиционного полукочевоего образа жизни. С его нарушением боролись органы НКВД на местах. Частым было привлечение цыган к уголовной ответственности за мошенничество (ст. 169 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г.). Такие дела рассматривались народными судами. Например, 5 ноября 1938 г. в производство народного суда г. Рубцовска Алтайского края поступило дело по обвинению в мошенничестве гражданина М. 1922 года рождения, малограмотного, беспартийного, и гражданки С. 1923 года рождения, малограмотной, беспартийной. Данные лица обвинялись в продаже свертка с газетами вместо товара одному из крестьян, причем этот «фокус» цыгане попытались повторить, но неудачно. Последующие два года им пришлось провести в местах лишения свободы²⁴.

Во внесудебной практике первой половины 1930-х гг. встречались дела по обвинению цыган в бандитизме (ст. 59-3 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г.). Как правило, в таких делах фигурировала преступная деятельность в составе группы. Часто речь шла о краже колхозного скота. Осужденные характеризовались отсутствием постоянного места жительства и рода деятельности. Наказание в этом случае было суровым: от 10 лет в исправительно-трудовом лагере до высшей меры социальной защиты (расстрела). Для многих из цыган уже в 1937–1938 гг. регулярные приводы в милицию стали решающим фактором в судьбе.

В рамках реализации приказа № 00447 наркома внутренних дел Л. П. Берии предполагалось очи-

стить СССР не только от так называемых бывших, но и от социально вредного элемента, под которым подразумевались различные категории правонарушителей. Именно рецидив для большинства из них стал дополнительным аргументом со стороны НКВД для включения в арестные списки с последующей отправкой в исправительно-трудовой лагерь. Так, цыгане, проживавшие в это время на территории Алтайского края, были осуждены преимущественно по ст. 35 Уголовного кодекса РСФСР (в редакции 1926 г.) за деяния, которые в данной местности суд признавал социально опасными (в основном систематическое попрошайничество и нищенство), часть из них были приговорены к разным срокам за нарушение паспортного режима по ст. 192а. Число приговоров за тяжкие преступления, например за бандитизм (ст. 59-3), было невелико. Исходя из этого, местные «тройки» внесудебным порядком приговаривали арестованных к лагерному сроку на 3–5 лет. Только в одном выявленном случае имел место приговор к высшей мере социальной защиты (расстрелу)²⁵.

Великая Отечественная война имела тяжелые последствия для цыган СССР: часть из них погибли в результате решения фашистской Германией национального вопроса, часть были вынуждены переселиться за Урал (как путем организованной эвакуации, так и самостоятельным путем).

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. цыгане заявили о желании вернуться в места прежнего проживания в европейскую часть страны. Для перевозки десятков семей были предоставлены железнодорожные вагоны. Однако далеко не всегда транспорт использовался по назначению.

В 1952–1953 гг. Совет Министров РСФСР, Министерство путей сообщений РСФСР и ряд облисполкомов горячо обсуждали дальнейшую судьбу около 200 цыган, оказавшихся в начале 1953 г. в Архангельской области. Из сохранившихся документов следует, что группа из нескольких цыганских семей находилась в эвакуации в Оренбургской области. В октябре 1952 г. они решили вернуться в родной колхоз «Мурмунт» недалеко от Кишинева²⁶. Оренбургский облисполком выделил шесть крытых вагонов, чтобы цыгане могли добраться от ст. Оренбург до ст. Кишинев. Найти свободные вагоны было непросто, но желание местных властей избавиться от людей, не имеющих определенных занятий, было сильнее. Правда, цыгане, оказавшись без надзора областных чиновников, отправились в противоположном направлении и в декабре 1952 г.

²²Цыганский табор // Рабочий путь. 1927. № 262.

²³Там же.

²⁴Государственный архив г. Рубцовска (РГА). Ф. 63. Оп. 1. Д. 5.

²⁵Подсчитано по данным картотеки отдела по реабилитации и архивной информации информационного центра Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю.

²⁶ГАРФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 2906. Л. 92.

оказались на ст. Татарская Омской железной дороги²⁷. Но находились они здесь недолго. Причину их скорого отправления из Новосибирской области в западном направлении мы находим в письме заместителя министра путей сообщений СССР Н. А. Гундобина на имя председателя Совета Министров РСФСР А. М. Пузанова: «Совет Министров РСФСР предложил Новосибирскому областному комитету трудоустроить их [цыган], однако последний вместо этого дал указание о переотправке вагонов в другие области»²⁸.

Уже 28 января 1953 г. цыганские семьи, проехав через Чкаловскую (Пермскую) и Кировскую области, добрались до ст. Мудьюга в Архангельской области, откуда были перевезены на ст. Няндомы Северной железной дороги. Несмотря на все указания из Москвы, областные власти и здесь постарались избавиться от цыган. В частности, председатель облисполкома С. И. Моликов просил «разрешить направить цыган в другую область»²⁹.

Ситуацию усугубляла холодная зима. Предложенные бараки, как выяснила комиссионная проверка, оказались непригодными для жилья и требовали капитального ремонта³⁰. В «теплушках» проживали 89 цыган, почти половину из них составляли дети. Антисанитарные условия способствовали распространению инфекционных заболеваний. Многие дети заболели корью³¹.

Некоторые высокопоставленные функционеры попытались обвинить в сложившейся ситуации цыган. Начальник пассажирского управления Министерства путей сообщения СССР Г. П. Запорожцев сообщал в своем письме председателю Совета Министров РСФСР А. М. Пузанову: «...цыгане путем подделок проездных документов бесплатно кочуют по всей стране»³². При этом чиновники требовали от республиканских руководителей «дать категорическое указание Архангельскому или Вологодскому облисполкомам о трудоустройстве цыган и освобождении вагонов»³³.

Как видно, региональные власти не были заинтересованы в проживании цыганского населения на подконтрольной им территории и предпринимали различные действия, чтобы избавиться от него. Об этом свидетельствует и поручение Бюро Совета Министров РСФСР отдельным облисполкомам подготовить предложения по улучшению трудового

и жилищно-бытового устройства кочующих цыган (февраль 1953 г.). Поводом к его принятию стали многочисленные обращения цыган в центральные партийные и советские органы. Еще в 1950 г. секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков поручил Совету Министров РСФСР рассмотреть проблему трудового устройства цыган. Но вскоре вопрос был снят с обсуждения. Но многочисленные письма, адресованные И. В. Сталину, председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Швернику, а также присланные в газету «Правда», вновь поставили его на повестку дня.

По статистическим данным, только в семи областях и краях РСФСР насчитывалось до 600 семей кочующих цыган. Наибольшее их количество было учтено в Ростовской области (227 семей) и Алтайском крае (143 семьи)³⁴. Как отмечалось в документах, в большинстве регионов республики учет цыган не представлялся возможным «в связи с частым их передвижением из одного района в другой»³⁵. Например, по данным заместителя председателя Алтайского крайисполкома В. С. Трещева, «в зимний период некоторые цыганские таборы выехали за пределы края в Кемеровскую, Новосибирскую и Восточно-Казахстанскую области, а с наступлением весны могут прибывать на территорию Алтайского края и кочевать по районам»³⁶.

Работа региональных властей с цыганским населением не отличалась активностью. В записке от 23 мая 1953 г. на имя первого заместителя председателя Совета Министров РСФСР А. М. Сафронова заместитель председателя Совета Министров РСФСР В. А. Маслов сообщал, что только в Ростовской, Тамбовской и Владимирской областях осуществляется трудоустройство цыган. По его словам, в некоторых регионах власти заявляли «о возможности трудового устройства небольшого количества кочующих цыган на предприятиях местной и кооперативной промышленности, в сельском хозяйстве, а также на лесных и торфяных разработках»³⁷. Однако общий лейтмотив подавляющего большинства облисполкомов и крайисполкомов сводился к тому, что такое трудоустройство невозможно из-за отсутствия жилого фонда. К тому же местные функционеры (в Архангельской, Вологодской, Калужской, Саратовской, Ярославской и других областях) ссылались на негативный опыт такой практики: «Цыгане от-

²⁷ГАРФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 2906. Л. 88.

²⁸Там же. Л. 85.

²⁹Там же. Л. 86.

³⁰Там же. Л. 87.

³¹Там же. Л. 86.

³²Там же. Л. 92.

³³Там же.

³⁴Там же. Д. 2907. Л. 1.

³⁵Там же.

³⁶Там же. Л. 30.

³⁷Там же.

казываются работать на государственных и кооперативных предприятиях, выполняют отдельные работы для частных лиц, занимаются торговлей, женщины гадают»³⁸. Как следствие, никаких предложений в рамках реализации решения бюро ими представлено не было. Комплексное решение проблемы трудоустройства цыган и выделения им жилья на уровне ЦК КПСС и Совета Министров СССР было признано нецелесообразным. Рассмотрение этих вопросов в каждом отдельном случае было поручено областным и краевым исполкомам, а также советам министров автономных республик.

В середине 1950-х гг. была предпринята очередная попытка покончить с цыганским бродяжничеством. Власти вновь обратили внимание на эту проблему благодаря многочисленным обращениям цыган в центральные органы власти, а также благодаря общественному мнению, которое транслировалось посредством обращений граждан в партийные и советские инстанции и центральные газеты.

В течение 1953 г. на адрес Совета Министров РСФСР поступило несколько обращений от цыган из Баку, Тбилиси, Грозного, Пензенской и других областей. Они заявляли о решении «оставить кочующий образ жизни и [перейти] на оседлый образ жизни»³⁹. В то же время, например, на имя первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева поступали письма, в которых корреспонденты утверждали: «...уж больно много у нас за последнее время развелось кочующих цыган»⁴⁰. В письмах говорится о бедственном положении детей: «Со взрослыми цыганами много странствует грязных, оборванных, разутых и раздетых их малолетних детишек»⁴¹. И еще один пример: «И вот на таком красивом фоне (речь идет о восстановленном после войны Воронеже. – В. Ш., Н. С., Ю. Г., Т. Н.) появляются цыганки с детьми всех возрастов. Босые, грязные, с нечесаными волосами»⁴². Почти во всех письмах можно уловить общий лейтмотив: «Пора положить конец кочевой жизни нетрудового элемента и заставить [его] вести трудовую жизнь – оседлую»⁴³.

В октябре 1956 г. сначала на общесоюзном, а затем и на республиканских уровнях были приняты новые нормативные правовые акты, в которых прописывались мероприятия по приобщению цыган к труду. В преамбуле Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1956 г. отмечалось: «...в результате мер, принятых Советским государством по трудоустройству кочующих цыган, улучшению условий их жизни, повышению культурного уровня,

большинство из них перешли к трудовому оседлому образу жизни. Однако до сих пор некоторая часть цыган продолжают заниматься бродяжничеством, ведут паразитический образ жизни и нередко совершают преступления»⁴⁴. Решение проблемных вопросов было возложено на плечи республиканских исполнительных органов. С одной стороны, предлагалось разработать и реализовать мероприятия, способствующие переходу цыган к оседлости в короткий срок: обеспечение нуждающихся жильем, трудоустройство, культурно-бытовое обслуживание. С другой стороны, как и в имперский период, были предусмотрены репрессивные меры в отношении совершеннолетних цыган, которые будут «злостно уклоняться от общественно полезного труда и заниматься бродяжничеством» (п. 3). В частности, уклонистам грозила ссылка на срок до 5 лет, а также исправительно-трудовые работы. Следует пояснить, что применительно к цыганам какие-то специальные нормы в Уголовный кодекс СССР и союзных республик введены не были. В документах отмечалось, что «в положении о паспортном режиме, утвержденном Советом Министров СССР, никаких ограничений для цыган, как равно и для граждан других национальностей <...> не предусмотрено», но «лиц, систематически занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, [предписывалось] привлекать к ответственности в соответствии со ст. 209 УК РСФСР»⁴⁵.

В этот же день, 5 октября 1956 г., было принято постановление Совета Министров СССР № 1373 «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». Документ носил регламентирующий характер. Так, республиканским советам министров было предписано в трехмесячный срок «расселить на постоянное место жительства цыган, занимающихся бродяжничеством, трудоустроить их и организовать культурно-бытовое обслуживание» (п. 1). Министерство внутренних дел СССР обязано было провести паспортизацию трудоустроенных цыган и организовать их прописку по месту постоянного жительства (п. 3). В этом акте был дублирован и репрессивный механизм воздействия на цыган, которые будут продолжать бродяжничество. Но при всей лаконичности этот документ содержал в себе качественно новый шаг со стороны Советского государства в отношении цыганского населения: республиканские исполнительные органы обязаны были «в необходимых случаях предоставлять им денежную ссуду для жилищного строительства» (п. 2).

³⁸ГАРФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 2907. Л. 1.

³⁹Там же. Д. 2906. Л. 43.

⁴⁰Там же. Л. 5.

⁴¹Там же. Л. 5 об.

⁴²Там же. Д. 7897. Л. 83.

⁴³Там же. Л. 87.

⁴⁴Там же.

⁴⁵Там же. Оп. 45. Д. 2943. Л. 2.

Уже 20 октября 1956 г. Совет Министров РСФСР принял постановление № 685 «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». Оно было адресовано в первую очередь региональным органам исполнительной власти и содержало конкретные меры. Так, было предписано в короткий срок расселить и трудоустроить цыган, обеспечить их жильем, организовать обучение детей в школах, прием детей в сады и ясли. К 20 января 1957 г. все инстанции, вовлеченные в реализацию данного постановления, должны были отчитаться о результатах работы.

Решение сложных задач, поставленных Москвой, имело региональную специфику. В областях и автономных республиках европейской части РСФСР были учтены многочисленные цыганские общности. В то же время в сибирских регионах цыганских семей было меньше. Это позволило выполнить полученное поручение успешнее.

Власти высоко оценили работу, проведенную Курганским облисполкомом. Из 52 семей были трудоустроены 50, из 103 трудоспособных человек работали 83. Большая часть семей (30) были приняты в колхозы. В качестве положительного примера в отчетах фигурировал вступивший в колхоз «Урал» Грязевского района цыган П. П. Михалевский: работая на двух лошадях возчиком по подвозу кормов, он за месяц выработал 60 трудодней⁴⁶.

В Красноярском крае, по данным крайисполкома от 8 февраля 1957 г., из 68 семей были трудоустроены 60. Если в аграрной Курганской области цыган трудоустраивали преимущественно в колхозы и совхозы, то в Центральной Сибири их распределение было иным: почти 85 % цыган числились в артелях промысловой кооперации (52,6 %) и на предприятиях местной и республиканской промышленности (32,4 %)⁴⁷.

В сибирских регионах по большей части удалось решить и жилищный вопрос. На тот момент немногие имели собственные дома. Большая часть семей оказались на подселении в частных домах (от 30 % семей в Красноярском крае до 40 % семей в Курганской области). Цыгане активно включились в индивидуальное жилищное строительство. Только в Красноярском крае через Промбанк четырем семьям была выделена ссуда в размере 10 тыс. руб., кроме того, оказана помощь в закупке строительных материалов⁴⁸. На общесибирском фоне выделялся только Алтайский край, в котором на 10 января 1957 г. был один из самых высоких показателей по необеспеченности жильем:

лишь 27 семей (15,6 % по краю) были обеспечены жильем⁴⁹.

Наибольшие сложности местные органы власти встретили при реализации положения о культурно-бытовом обслуживании, которое предполагало обучение в школах, прием в детские сады и ясли. Это направление работы было оценено как крайне неудовлетворительное для всей республики. Статистика наглядно демонстрирует низкую посещаемость школ детьми. Так, в Вологодской области охват школьным образованием составил немногим более 16 % детей, в Белгородской области – 15,5 %, в Красноярском крае – 31 % детей⁵⁰. В некоторых случаях эти показатели объясняли оседанием цыган в начале календарного года и включением детей в школьное обучение во второй половине учебного года.

Следует признать, что ни в отведенный союзным руководством трехмесячный срок, ни в последующие годы окончательно решить проблему цыганского бродяжничества не удалось. В конце 1971 г. власти РСФСР были вынуждены вернуться к обсуждению этой темы. Результатом стало протокольное решение Президиума Совета Министров РСФСР от 26 ноября 1971 г. «О недостатках в трудоустройстве цыган», направленное на дальнейшее выполнение ранее принятых законодательных и нормативных актов.

Летом 1972 г. организационно-инструкторский отдел Аппарата Совета Министров РСФСР подготовил информационную справку, в которой были представлены некоторые результаты работы с цыганским населением в регионах. Авторы документа отметили положительную тенденцию большинства семей к ведению оседлого образа жизни. Но основное внимание уделялось вопросу вовлечения цыган в общественно полезный труд. В частности, указывалось на склонность цыган к временной и сезонной работам (в качестве разнорабочих, грузчиков, сторожей, пастухов и др.). Также тревогу вызывал высокий процент «тунеядствующих лиц цыганской национальности»: за первую половину 1972 г. только в Ивановской, Новгородской, Псковской, Кемеровской, Костромской областях были выявлены 432 тунеядца⁵¹. Данный контингент подпитывал сохранявшиеся в цыганской среде кочевые традиции, что выливалось в «гастроли», когда многие цыгане, несмотря на наличие жилья и постоянной прописки, под предлогом трудоустройства или розыска родственников разъезжали по стране. Такие поездки нередко оказывались в поле зрения правоохранительных органов. Так, в ведомственные сводки

⁴⁶ГАРФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 7898. Л. 31.

⁴⁷Там же. Л. 46.

⁴⁸Там же.

⁴⁹Там же. Л. 17.

⁵⁰Там же. Л. 26.

⁵¹Там же. Оп. 46. Д. 980. Л. 3.

попала история 17 цыганских семей в количестве 132 человек, которые в конце 1971 г., скупив в колхозах Сибири 164 лошади, выехали в Средне-Азиатский регион в целях их реализации. После продажи лошадей цыгане вернулись в центральные области РСФСР⁵².

Сезонная миграционная активность вела к всплескам национальной преступности. Этот факт отмечался практически во всех регионах РСФСР, где оказывались цыгане. Сибирь не была исключением. Так, в сообщении Кемеровского облисполкома от 26 мая 1972 г. в Совет Министров РСФСР отмечалось, что «в течение 1971 года за различные правонарушения 19 человек из числа лиц цыганской национальности органами внутренних дел привлечены к уголовной ответственности, 6 человек из привлеченных не являлись жителями Кемеровской области»⁵³.

К решению проблем на местах стали широко привлекать активистов. Они были включены в состав специальных комиссий, занимавшихся вопросами трудоустройства. Совместно с органами народного образования представители общественности вели учет детей цыганской национальности школьного возраста. Так, благодаря этому в Кемеровской области к занятиям в школах приступили 114 детей⁵⁴. Однако полностью решить эту проблему не удавалось. В Алтайском крае, например, почти треть детей школьного возраста не посещали школу. С несовершеннолетними, не работающими и не учащимися, проводилась профилактическая рабо-

та по включению в образовательный процесс или приобщению к труду через комиссии по делам несовершеннолетних при районных и городских исполкомах⁵⁵.

Фактически все вопросы, связанные с жизнью цыганских сообществ, должны были решать региональные власти. В 1974 г. вопрос о трудоустройстве цыган был снят с контроля Совета Министров РСФСР⁵⁶.

Таким образом, с XVIII в. цыгане стали неотъемлемой частью исторического ландшафта Сибири. Формирование новой дисперсной общности происходило за счет миграций из других регионов (путем самовольного переселения таборов, пенитенциарной ссылки). К середине XIX в. «сибирска рома», став неотъемлемой частью «русска рома», доминировала за Уралом. Ее представители, причисленные к разным сословиям, были вовлечены в торговлю скотом, ремесленничество и промыслы. Миграционная активность других этнических групп цыган сделала цыганский мир Сибири более пестрым. Несмотря на многочисленные попытки власти как в имперский, так и в советский период превратить их в оседлое население, цыгане полностью не отказались от традиционного образа жизни. К 1970-м гг. большая часть из них имели постоянное жилье и были трудоустроены, однако общность сохраняла некоторые традиционные черты (сезонные миграции, временная работа, низкий образовательный уровень, вовлеченность в противоправную деятельность).

Библиографические ссылки

1. Марушиакова Е, Попов В. *Studii Romani. Том VII. Избрано*. София: Парадигма; 2007. 423 с.
2. Åberg K. «These songs tell about our life, you see»: music, identity and gender in Finnish Romani music. Bern: Peter Lang GmbH; 2015. 275 p.
3. Деметер НГ, Бессонов НВ, Кутенков ВК. *История цыган. Новый взгляд*. Воронеж: Институт этнологии и антропологии РАН имени Н. Н. Миклухо-Маклая; 2000. 334 с.
4. Денисов ДН. Оренбургские цыгане в 60-е годы XVIII – начале XX веков. В: *Цыгане в оренбургском социуме. Материалы круглого стола, посвященного Международному дню цыган*. Оренбург: Университет; 2013. с. 44–49.
5. Shaidurov VN. On the history of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2017;46(4):1207–1218. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1207.
6. Смирнова-Сеславинская МВ. Миграции цыганских групп и формирование цыганского населения Российской империи в XVII – начале XX в. *Этнографическое обозрение*. 2018;4:83–99. DOI: 10.31857/S086954150000408-8.
7. Деметер НГ, Черных АВ. *Цыгане*. Москва: Наука; 2018. 614 с. (Народы и культуры).
8. Shaidurov VN. Gypsies in the Russian Empire: theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century. *Romani Studies*. 2018;28(2):195–217. DOI: 10.3828/rs.2018.8.
9. Chernykh AV. The Kalderash Gypsies of Russia in industrial cooperation of the 1920s–1930s. *Social Inclusion*. 2020; 8(2):358–366. DOI: 10.17645/si.v8i2.2765.
10. Шайдуров ВН. Евреи и цыгане Сибири: к вопросу о военных кантонистах 1830-х – 1850-х гг. *Вопросы истории*. 2021;3:143–151. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202103Statyi16.
11. Sanarov VI. The Siberian Gypsies. *Journal of the Gypsy Lore Society. Third Series*. 1970;49(3–4):126–136.
12. Bell J. *Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia*. Glasgow: Robert and Andrew Foulis; 1763. 423 p.
13. Катионов ОН. *Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв.* Новосибирск: Издательство НГПУ; 2008. 372 с.

⁵²ГАРФ. Ф. 259. Оп. 46. Д. 980. Л. 3.

⁵³Там же. Л. 27.

⁵⁴Там же. Л. 4–5.

⁵⁵Там же. Л. 11.

⁵⁶Там же. Л. 1.

14. Sauer M. *Voyage fait par ordre de l'Impératrice de Russie Catherine II, dans le nord de la Russieasiatique, dans la MerGlaciale, dans la merd'Anadyr, et sur les côtes de l'Amérique*. Paris: F. Buisson; 1802. 331 p.
15. Хроленок СФ. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. В: *Очерки истории Сибири*. Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт; 1970. с. 28–35 (Ученые записки. Серия историческая; выпуск 39).
16. Шайдуров ВН. Цыгане СССР и землеустройство во второй половине 1920-х гг. В: Веремченко ВА, редактор. «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; 2021. 359 с.
17. Черных АВ, Каменских МС. Цыгане Урала в национальной и экономической политике советского государства 1920–1930-х гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2020;19(4):851–868. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-4-851-868.

References

1. Marushiakova E, Popov V. *Studii Romani. Tom VII. Izbrano* [Romani studies. Volume VII. Selected works]. Sofiya: Paradigma; 2007. 423 p. Bulgarian.
2. Åberg K. «These songs tell about our life, you see»: music, identity and gender in Finnish Romani music. Bern: Peter Lang GmbH; 2015. 275 p.
3. Demeter NG, Bessonov NV, Kutenkov VK. *Istoriya tsygan. Novyi vzglyad* [History of the Romani people. A new vision]. Voronezh: Institute of Ethnology and Anthropology RAS; 2000. 334 p. Russian.
4. Denisov DN. [Roma of Orenburg in the 60s of the 18th century – early 20th century]. In: *Tsygane v orenburgskom sotsiume. Materialy kruglogo stola, posvyashchennogo Mezhdunarodnomu Dnyu tsygan* [Gypsies in Orenburg society. Proceedings of the round table dedicated to the International Gypsy Day]. Orenburg: Universitet; 2013. p. 44–49. Russian.
5. Shaidurov VN. On the history of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *Bylye Gody. Russian Historical Journal*. 2017;46(4):1207–1218. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1207.
6. Smirnova-Seslavinskaya MV. Romani groups migrations and formation of the Gypsy (Roma) population in Russian Empire in the 17th – early 20th centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018;4:83–99. Russian. DOI: 10.31857/S086954150000408-8.
7. Demeter NG, Chernykh AV. *Tsygane* [The Roma]. Moscow: Nauka; 2018. 614 p. (Narody i kul'tury). Russian.
8. Shaidurov VN. Gypsies in the Russian Empire: theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century. *Romani studies*. 2018;28(2):195–217. DOI: 10.3828/rs.2018.8.
9. Chernykh AV. The Kalderash Gypsies of Russia in industrial cooperation of the 1920s–1930s. *Social Inclusion*. 2020;8(2):358–366. DOI: 10.17645/si.v8i2.2765.
10. Shaidurov VN. Jews and Gypsies of Siberia: on the question of the military cantonists of the 1830s – 1850s. *Voprosy istorii*. 2021;3:143–151. Russian. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202103Statyi16.
11. Sanarov VI. The Siberian Gypsies. *Journal of the Gypsy Lore Society. Third Series*. 1970;49(3–4):126–136.
12. Bell J. *Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia*. Glasgow: Robert and Andrew Foulis; 1763. 423 p.
13. Kationov ON. *Moskovsko-Sibirskii trakt kak osnovnaya sukhoputnaya transportnaya kommunikatsiya Sibiri XVIII–XIX vv.* [The Moscow-Siberian tract as the main land transport communication of Siberia in the 18th–19th centuries]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU; 2008. 372 p. Russian.
14. Sauer M. *Voyage fait par ordre de l'Impératrice de Russie Catherine II, dans le nord de la Russieasiatique, dans la MerGlaciale, dans la merd'Anadyr, et sur les côtes de l'Amérique*. Paris: F. Buisson; 1802. 331 p.
15. Hrolenok SF. [The development of the gold mining industry in Eastern Siberia in the late 19th and early 20th centuries]. In: *Ocherki istorii Sibiri* [Essays on the history of Siberia]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut; 1970. p. 28–35 (Uchenye zapiski. Seriya istoricheskaya; issue 39). Russian.
16. Shaidurov VN. [Roma of the USSR and land management in the second half of the 1920s]. In: Veremchenko VA, editor. «Vyzov» v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' [«Challenge» in the daily life of the population of Russia: history and modernity]. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University; 2021. 359 p. Russian.
17. Chernykh AV, Kamenskikh MS. Gypsies of the Urals in the National Economic Policy of the Soviet State of the 1920–1930s. *RUDN Journal of Russian History*. 2020;19(4):851–868. Russian. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-4-851-868.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022.
Received by editorial board 18.01.2022.